

18 535

К. В. Тимофѣевъ.

По берегамъ Аму-Дарьи на автомобилѣ.

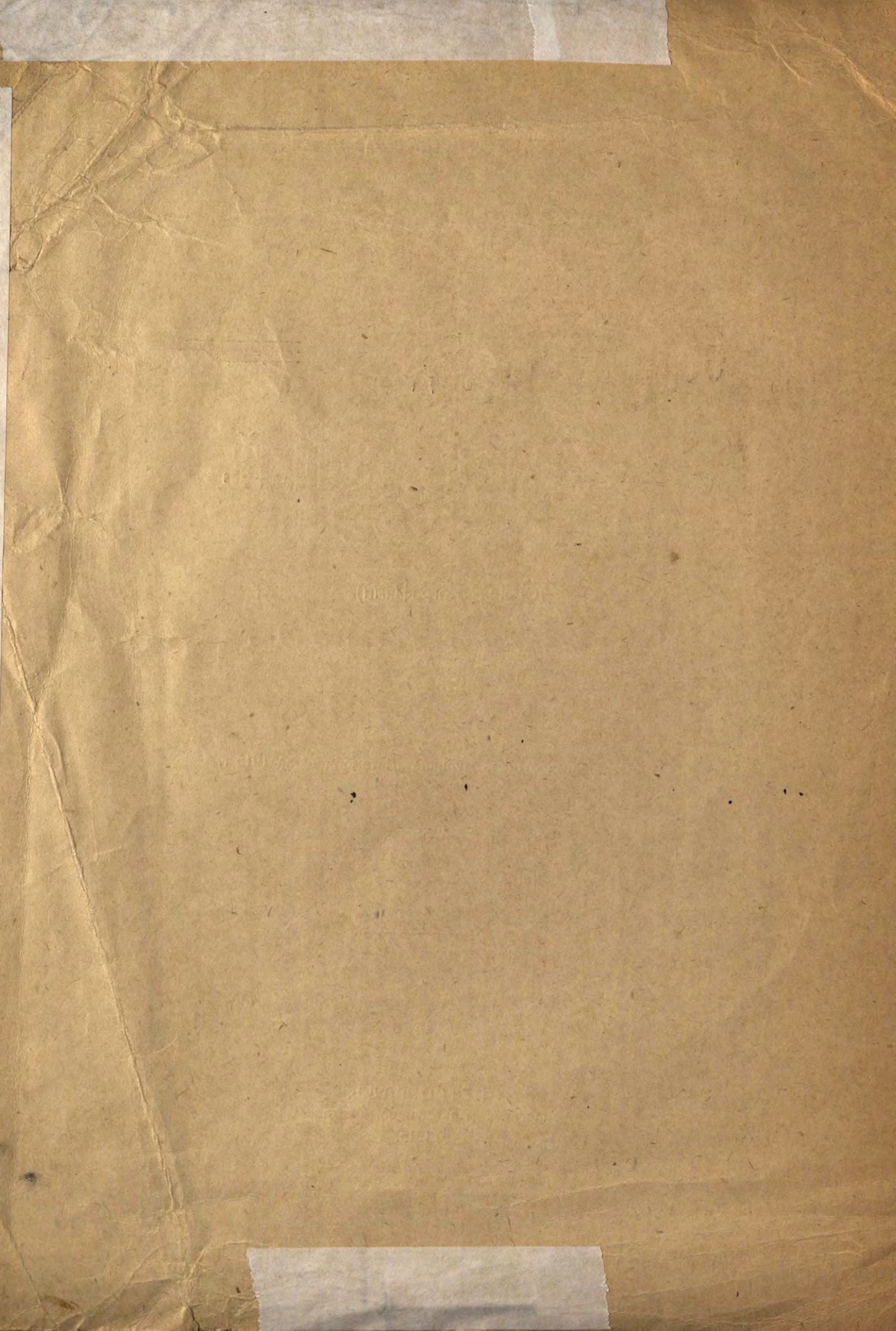
(Съ 14 фотографіями).

Отдѣльный оттискъ журнала „Автомобиль“ за 1915 г.

Dar Wł. ks. Massalskiego

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Альтшулера, Фонтанка 96.
1915.

К. В. Тимофьевъ.

По берегамъ Аму-Дары на автомобилѣ.

(Съ 14 фотографіями).

Отдѣльный оттискъ журнала „Автомобиль“ за 1915 г.

Dar Wł. ks. Masalskiego

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Альтшулера, Фонтанка 96.
1915.

CBGIOS, ul. Twarda 51/55
tel. 22 69-78-773

Wa5167867

К. В. Мухоморова

Исследования в области географии
и этнографии

18535

№ 4 - 68 285 N - 4801941/ГМК

Лѣтомъ прошлаго года я работалъ въ изыскательской партіи по орошенію въ Хивинскихъ, Владѣніяхъ; районъ нашихъ работъ гидрометрическихъ и съемочныхъ простирался отъ Петро-Александровска до Аральскаго моря; причемъ съемочныя работы развертывались на лѣвомъ Хивинскомъ берегу Аму-Дарьи.

Обстоятельства моихъ обязанностей заставляли меня все время передвигаться вдоль рѣки Аму-Дарьи, по ея берегамъ, и дважды мнѣ удалось сдѣлать это на автомобилѣ, служившемъ „перевозочнымъ средствомъ“ въ нашей партіи. Первая поѣздка по правому берегу Аму-Дарьи и вторая по лѣвому. Эти поѣздки незначительны по величинѣ, но столь необычны по своей „обстановкѣ“, что воспоминанія о нихъ, какъ мнѣ кажется, представляютъ извѣстный интерес. Поѣздки эти не были прогулками: намъ приходилось застревать въ пескахъ, перѣзжать глубокія лужи, ночевать въ пустынѣ, но мы стремились и достигали намѣченной цѣли. Автомобиль хотя и широко извѣстной марки, Berliet, но не представлялъ чего либо особеннаго по своей выносливости, имѣлъ 4-хъ цилиндровый двигатель (діаметръ цилиндровъ 100 mm. ходъ поршней 120 mm.) мощностью въ 22—30 HP; смазка автоматическая; подача масла регулируется въ зависимости отъ скорости вращенія двигателя. Карбюраторъ строго автоматическій, при поступленіи бензинъ фильтруется специальнымъ фильтромъ. Баки для бензина на 6 пудовъ и для воды (подъ сидѣніемъ шоффера) на 6 ведеръ; зажиганіе магнето высокаго напряженія. Охлажденіе радиаторомъ типа „соты“, сцепленіе дисками; коробка скоростей имѣетъ 4 скорости впередъ и задній ходъ; тормазовъ три, два на заднемъ и одинъ на дифференціалѣ; передача карданомъ; корпусъ ландоле; колеса 880 × 120 mm.

Автомобиль былъ купленъ подержаннымъ, но заново отремонтированнымъ на заводѣ Пузырева въ Петроградѣ.

Изъ Петро-Александровска мы выѣхали въ районъ нашихъ работъ по изысканіямъ: начальникъ изысканій инженеръ М—ій, Завѣдывающій Гидроподульной Частью изысканій агрономъ К—въ и я; съ нами переводчикъ татаринъ, проводникъ, шофферъ и цѣлая куча вещей; мой переводчикъ былъ отправленъ мною наканунѣ верхомъ.

Рѣшено было выѣзжать съ разсвѣтомъ и еще солнце не показывалось изъ-за сада, какъ мы были на ногахъ; въ „гаражѣ“ шофферъ Иванъ пробовалъ моторъ и въ тишинѣ утра онъ трещалъ и гудѣлъ, какъ аэропланъ; но какъ мы не спѣшили, подгоняя другъ друга, мы не могли выѣхать такъ рано, какъ предполагали; главной нашей задачей, надъ рѣшеніемъ которой мы повозились—это былъ вопросъ съ вещами. Каждый изъ насъ бралъ по своему немного, и своя вещь владѣльцу казалась и самой незначительной и самой нужной. Кромѣ того мы везли съ собой штанги для промѣровъ р. Аму-Дарьи, доску и лопату „для песковъ“, запасныя шины и, конечно, цѣлый арсеналъ инструментовъ для починокъ могущихъ произойти аварийъ въ пути.

Послѣ обсужденій и примѣриваній вещи были размѣщены, сѣдоки также и тяжело нагруженный Berliet тронулся въ далекое, трудное путешествіе.

* * *

Быстро мелькаютъ домики съ плоскими крышами, тянутся глиняные заборы; сворачиваемъ черезъ базарную площадь, гдѣ обращаемъ на себя вниманіе жителей и за поворотомъ выѣзжаемъ за городъ. Культуры джугары ¹⁾, хлопка, клевера, несущаго сладковатый ароматъ, пестрятъ и мелькаютъ; пуг-

¹⁾ Джугара—разновидность проса.

ливо сворачиваютъ въ стороны арбы на нашу сирену, и мы лавируемъ среди нихъ... Ъхать не жарко, пока мы въ кружевномъ зеленомъ корридорѣ, обильно растущихъ по бокамъ дороги, деревьевъ. Узенькой полоской голой лессовой почвы дорога извивается, пересѣкая арыки ¹⁾ непрочными мостами, дрожащими подъ автомобилемъ и приводящими насъ въ ужасъ отъ возможности катастрофы. Когда мостикъ своимъ отверстіемъ не превышаетъ двухъ аршинъ еще можно спокойно ъхать внутри; когда же пересѣкаемъ арыки въ 2—4 сажени съ быстро несущейся водой, то предпочитаемъ выходить, каждый стараясь найти соответственный предлогъ.

Разбитая колесами арбъ дорога представляетъ изъ себя рядъ непрерывныхъ бороздъ и гребней, засыпанныхъ мелко перетертымъ лессомъ, такъ что при своемъ движеніи мы поднимаемъ цѣлый адъ тончайшей желтовато-синеватой пыли, и ныряемъ въ мягкихъ волнахъ; въ иныхъ мѣстахъ, наиболѣе разбитой почвы приходится подвигаться довольно медленно, лавируя между колеями и стараясь не пересѣкать бороздъ; машину бросаетъ то вправо, то влѣво мы—внутренность автомобиля—повторяемъ эти же колебанія съ нѣкоторымъ опозданіемъ, и когда въ это же время, съ порывомъ вѣтра къ намъ внутрь попадаетъ облако пыли, и мы задыхаемся въ немъ—намъ начинаетъ казаться, что природа принимаетъ всѣ способы, чтобы отравить наше путешествіе; но къ нашему счастью дорога вскорѣ твердѣетъ, и мы плавно катимся по ровной аллеѣ тополей, среди плантацій дынь и винограда; еще поль-часа и мы въѣзжаемъ въ Сара-бій—небольшое мусульманское мѣстечко. Останавливаемся и моментально окружены толпой, кольцомъ охватившей насъ, и съ любопытствомъ разсматривающей невиданный эки-

Рис. 1. Въ такихъ случаяхъ мы предпочитаемъ выходить, каждый стараясь найти соответственный предлогъ.

пажъ; бросая работы, они спѣшатъ со всѣхъ сторонъ: погонщикъ отъ чигиря ²⁾ прыгая мчится къ намъ, крича что-то гортаннымъ голосомъ, медленно подходят старики, кланяются и привѣтствуютъ своимъ „селямъ-aleyкомъ“!; мальчишки полуголые и голые жмутся межъ взрослыхъ, пугливо переводя глаза съ автомобиля на насъ. Взрослые разсматриваютъ фонари, шины; иные—похрабрѣе даже пробуютъ послѣднія руками, отъ солнца и жаркой дороги онѣ горячія, и прикоснувшіеся, къ общему удовольствію, отдергиваютъ руки и смущаются.

Разпросы нашего проводника выясняютъ, что дорога, по которой ѣздили раньше, сейчасъ засыпана пескомъ, (это довольно частая явленія въ странахъ съ передвигающимися песками) и чтобы проѣхать на „отъ—арбъ“ (огненная колесница), нужно объѣзжать, и путь лежитъ черезъ барханы.

Толкомъ добиться какъ проѣхать не можемъ, и потому знающій дорогу вызывается верхомъ сопровождать насъ черезъ пески. Трогаемся дальше. Сара-бій остается влѣво, и мы по сносной дорогѣ катимъ, быстро опередивъ верхового, тщетно лупившаго свою клячу. Но вскорѣ небольшая остановка, вызванная неожиданнымъ препятствіемъ—прокопанной черезъ дорогу канавой, дающая намъ возможность подкрѣпиться легкимъ завтракомъ изъ копченой колбасы и сушеной рыбы, которъй дополняется айраномъ ³⁾ и чайникомъ кокъ чая ⁴⁾, высланнымъ намъ ввидѣ особаго расположенія владѣльцемъ близлежащихъ земель.

1) Арыкъ—оросительный каналъ.

2) Чигирь—мѣстнаго происхожденія машина, для подъема воды изъ арыка на орошаемыя участки земли.

3) Айранъ—смѣсь верблюжьего и кобыльего молока.

4) Кокъ—чай—зеленый чай.

тыми поворотами и, раздавив черепаху, выбрались на плоскогоріе, и тутъ помчались какъ вѣтеръ. Здѣсь былъ данъ автомобилю самый полный ходъ, и мы могли насладиться прелестью быстрой ѣзды... мелькнули мой переводчикъ, трусившій верхомъ, двѣ три арбы и лишь наступившая темнота чуть замедлила наше прибытіе, такъ что когда мы вѣзжали въ ворота станціи, насъ встрѣчали съ огнями.

Въ общемъ этотъ день былъ самымъ удачнымъ днемъ нашего путешествія.

Весь слѣдующій день, за который мы сдѣлали 85 верстъ, обошелся безъ приключеній; привалъ былъ на ст. Назаръ-Ханъ, въ маленькомъ кишлакѣ ¹⁾ того же названіе, гдѣ былъ гъ это время базаръ и мы, конечно, сдѣлались центромъ вниманія. Въ пути отъ Назаръ-Хана потянулись пески, машина опять завывала и къ нашему неудовольствію сталъ „заѣдать“ конусъ, отъ постоянныхъ включеній и выключеній мотора: трудности усугублялись волнистой поверхностью, и если бы песокъ не былъ желѣзистымъ тяжелымъ—намъ бы не выбраться изъ него.

Съ облегченіемъ мы вздохнули, когда на горизонтѣ показались скелеты деревьевъ Нукуса, а черезъ часъ мы уже остановились у воротъ станціи.

Нукусъ значитъ на картахъ, какъ укрѣпленіе; стоитъ тамъ казачья сотня, имѣется двѣ глав-

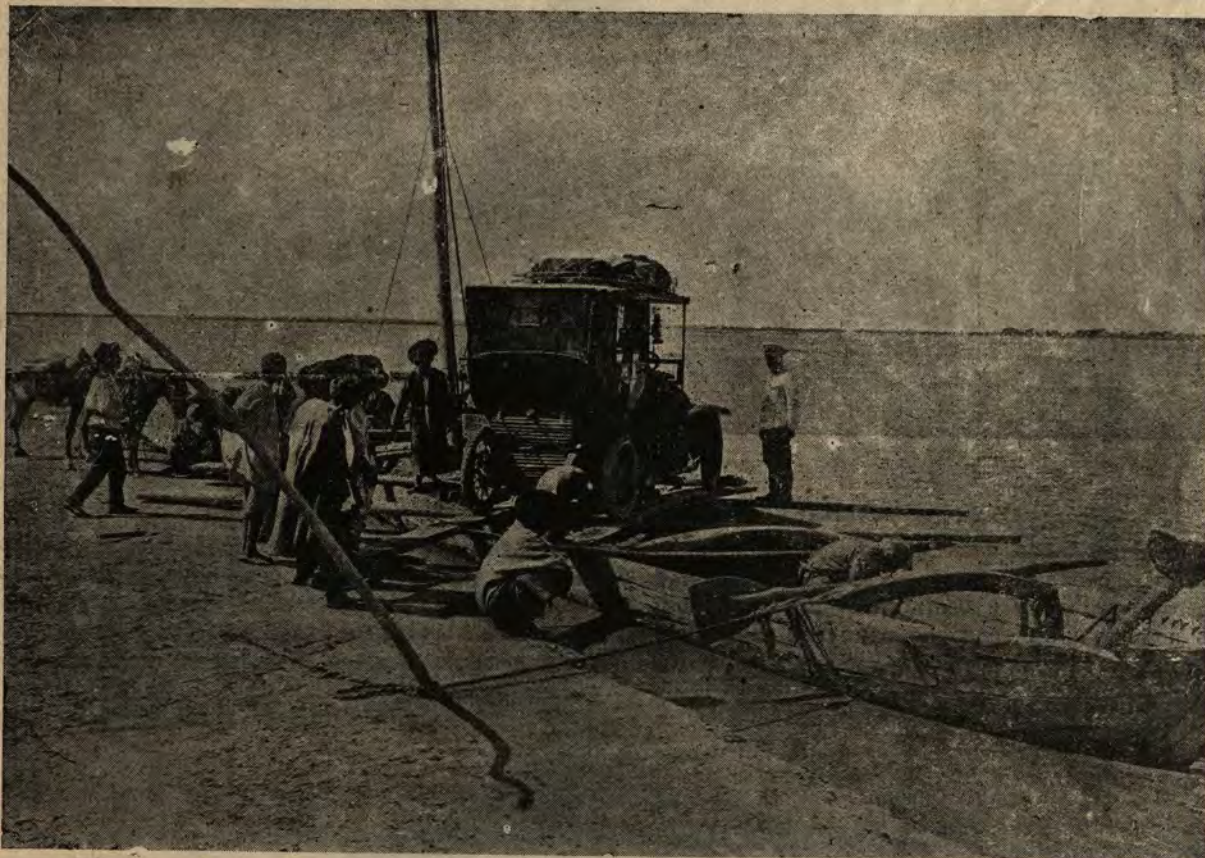

Рис. 7 Автомобиль осторожно вкатился на свою платформу, и былъ накрѣпко привязанъ къ ней веревками.

ныхъ улицы въ видѣ буквы Т, одна изъ нихъ—дорога дальше, къ Аральскому Морю, другая идетъ къ Аму-Дарьѣ.

Живутъ тамъ Уральскіе казаки, высланные за расколъ и туземцы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Нукусѣ былъ чудный паркъ, но по неизвѣстнымъ причинамъ „не хватило воды“ для его питанія и онъ погибъ, представляя теперь печальную картину поздней осени.

Въ Нукусѣ мы пріѣхали часа въ 4 дня и дѣла насъ задержали до вечера; здѣсь же мы разстались съ К—мъ.

На слѣдующій день мы выѣхали на берегъ Аму-Дарьи, гдѣ намъ предстояло переправить автомобиль на другую сторону. Переправа или по мѣстному „гузеръ“ производится съ помощью каюка, т. е. большой лодки, саженой въ 6 въ длину и въ сажень ширины, куда ставятъ лошадей, ишаковъ, арбы, набиваются сами, и переправляются.

Но представляя у Нукуса значительную ширину, и обладая чрезвычайно быстрымъ теченіемъ, Аму-Дарья не всегда безопасна для каюковъ, и потому переправа автомобиля насъ тревожила; но лучшаго придумать нельзя было, и мы приступили къ сооруженію помоста: положили двѣ доски на борты каюка, наискосокъ, пригвоздивъ ихъ; на нихъ, крестъ—на—крестъ, положили еще двѣ доски, на кото-

¹⁾ Кишлакъ—селеніе, деревня.

Рис. 8. Наиболее подходящее место было немного подчищено.

рия долженъ былъ накатываться автомобиль; вся система была основательно соединена съ каюкомъ гвоздями, скобами и веревками. Автомобилу былъ данъ малый ходъ, онъ осторожно вкатился на свою платформу и былъ накрѣпко привязанъ къ ней веревками. Въ каюкъ помѣстили еще нѣсколькихъ лошадей; съ тревогой въ душѣ, мы слѣдили какъ каюкъ сначала долго завозили, на бичевѣ вверхъ, и потомъ натянули дырявый парусъ, заколыхавшійся и слегка надувшійся. Каюкъ отвалилъ отъ берега

Рис. 9. Моментъ этотъ мнѣ удалось запечатлѣть на пленкѣ.

и „экипаж“ его, три полуголых хивинца заработали „таялами“—длинными палками, которыми они толкали каюк, опираясь концами въ дно рѣки; но течение быстрое, таяла перестаютъ хватать, и они берутся за тяжелыя лопатообразныя весла. „Дарга“—капитанъ на кормѣ, однимъ изъ такихъ веселъ направляетъ каюкъ поперекъ главныхъ струй, перебрасывая весло со стороны на сторону, со звонкимъ шлепкомъ по водѣ, но несмотря на раздувающуюся парусъ, каюкъ, подхваченный быстринной, несется по бугристой поверхности, покачиваясь со своимъ грузомъ... Къ счастью опасное мѣсто пройдено, и мы мягко привалили къ Хивинскому берегу. Лѣвый берегъ значительно выше праваго, и это обстоятельство нѣсколько затруднило подъемъ автомобиля; наиболѣе подходящее мѣсто берега было немного подчищено, выступавшіе концы досокъ уперты въ землю, и автомобилю дали передній ходъ; но все же моментъ былъ критическимъ, когда съѣхавъ съ платформы, автомобиль „съѣлъ“ задними колесами, и сталъ медленно сползать... Моментъ этотъ мнѣ удалось запечатлѣть на пленкѣ... Но къ счастью не растерялись: шоферъ далъ полный ходъ, всѣ подхватили автомобиль, и онъ вкатился на берегъ... Мы вступили на землю Хивинскаго Хана...

Черезъ полчаса мы въѣзжали въ Ходжейли. Кривыя, узкія улицы наполнены пылью, въ туманѣ ея силуэтами рисуются встрѣчныя арбы, пѣшеходы, верблюды, всадники въ огромныхъ бараньихъ шпанкахъ на лошадахъ и ослахъ. Всѣ постройки города глинобитныя, выходятъ въ улицы слѣпыми стѣнами, съ кое-гдѣ встрѣчающейся низенькою калиткой. Все это мелькаетъ, повторяется; мы добираемся до центра города—базара; здѣсь улицы крыты камышомъ отъ жгучаго солнца, и въ нихъ прохладно; по сторонамъ сартовскія лавочки—небольшія глиняныя возвышенія, покрытыя кошмой, паласомъ даже ковромъ, смотря по состоятельности хозяина, попивающаго кокъ чай ¹⁾.

Тутъ продаются дешевыя украшения туземнаго производства, кольца съ бирюзой, до которыхъ

Рис. 10. Разомавшись, онъ плюхнулся, разбрызгивая грязновато-желтую воду.

такъ падки хивинцы, бисеръ, шитыя, кошельки очень тонкой работы, сушеный урюкъ ²⁾, кишмишъ, какіе-то корешки, сахаръ, спички, печеніе Жоржъ-Бормана, дешевыя конфеты въ яркихъ бумажкахъ, цвѣтистые ситцы московскихъ фабрикъ, мѣстные шелка, горы тюбитеекъ, табакъ и чилимы, ковры, паласы—однимъ словомъ все, чѣмъ живетъ и торгуетъ Хива. Черномазая толпа, наполняющая базаръ, горланить, торгуется, покупаетъ, продаетъ, кричатъ ишаки, верблюды, блеютъ бараны, ржутъ лошади, и въ этотъ шумъ врѣзывается вой сирены, заставляющій толпу раздвигаться. Автомобиль едва продвигается, и кажется, что трудно разминуться со встрѣчными арбами въ такой толчеѣ; переѣзжаемъ мостъ черезъ арыкъ, питающій весь Ходжейлинскій оазисъ, Су-Али, на мгновение яркое солнце ударяетъ отраженными лучами отъ земли и стѣнъ, и мы снова попадаемъ въ туннель крытыхъ улицъ. Опять шумъ и крики; у пересѣченія двухъ улицъ столкновение потоковъ толпы, и мы принуждены остановиться на нѣсколько секундъ, тутъ мѣстный „ресторанъ“: въ огромномъ котлѣ, въ кипящемъ маслѣ кунжута, полуголый сартъ жаритъ куски рыбы, пойманной въ Аму-Дарьѣ наканунѣ, доставая изжарившіеся куски деревянной палочкой, и старательно облизывающій себя пальцы.

Дальше мясникъ отгоняетъ мухъ, роящихся вокругъ бараньихъ тушъ, висящихъ на деревянныхъ крючкахъ, дальше груды сноповъ клевера, лошадинныя ряды, и наконецъ мы вырываемся изъ коридора крытыхъ улицъ, и несемся по берегу Су-Али, все еще сопровождаемые толпой; по берегамъ женщины, въ красныхъ костюмахъ спускаются къ водѣ, наполняютъ тыкву, поставивъ ее на плечо возвращаются, закрываясь отъ чужихъ взоровъ, и провожаютъ насъ долгимъ взглядомъ черныхъ очей...

¹⁾ Зеленый чай.

²⁾ Абрикосы.

Замелькали посѣвы по сторонамъ, двѣ—три кривыхъ улицы, шаткѣй мостъ черезъ арыкъ, и мы хорошимъ ходомъ, на четвертой скорости, поднимаемся по плотной дорогѣ къ каменистой цѣпи холмовъ Музлумъ-Ханъ; Ходжейли и весь Ходжейлинскій оазисъ остался далеко позади, когда мы проѣзжали мазаръ (кладбище). Склоны холмовъ усыяли могилами—глинянныя гробницы и небольшіе глиняные же балкончики, съ длинными, выбѣленными солнцемъ, жердями и привязанной къ верхушкамъ тряпкой, служащими залогомъ памяти объ умершихъ его родныхъ. И ни травинки ни кустика кругомъ—все голо и мертво вокругъ; внизъ, назадъ змѣйкой спускается дорога, вдаль въ маревѣ дрожить и струится очертаніе деревьевъ Ходжейли, а цѣпь холмовъ уходитъ влѣво, съ причудливыми развалинами Музлумъ-Хана и Гяуръ-Калы. Переваливаемъ дальше; широкая равнина великолѣпной, могущей быть орошенной, земли развернулась передъ нами, покрытая цѣпкими кустами колючки и гребенчика; дорога разбита и тяжела, солнце основательно пригрѣваетъ, и мы бьемся о стѣнки автомобиля на крутыхъ извилинахъ; новостью явились мухи, Богъ вѣсть откуда летѣвшіе, словно со слѣпу ударявшіеся сухимъ отрывистымъ стукомъ, объ автомобиль и о наши головы.

Впереди, въ колеблющемся горизонтѣ, уже можно было различить контуры Куны-Ургенча, какъ путь нашъ преградился потокомъ, пересѣкавшимъ дорогу; вбродъ по колѣно я переправился, и слѣдиль за автомобилемъ; разогнавшись, онъ плюхнулся, разбрызгивая грязновато желтую воду колесами и, почти пройдя препятствіе, остановился—вѣроятно въ магнето попала вода; обсохнувъ моторъ вногъ заработалъ, и мы продолжали свое путешествіе.

Куна-Ургенчъ (Старый Ургенчъ) расположенъ на развалинахъ древней столицы Хорезмійскаго Царства, и нѣкоторые замѣчательнѣйшіе памятники той эпохи и до сихъ поръ поражаютъ легкостью архитектурныхъ формъ и нѣжной гармоніей красокъ мозаичныхъ плафоновъ... Три главныхъ памятника: мечеть Тюря-бекъ-Ханымъ, мавзолей надъ могилой палуана Шихъ Шарабъ и старый минаретъ,

Рис. 11. раскинулся сплошной садъ.

стоятъ ужъ многія сотни лѣтъ, и легенды, которыя передавалъ намъ старый мулла, говорили о безавѣтной храбрости палуановъ и о высотѣ духа, которымъ были полны тѣ ушедшіе вѣка.

Куна-Ургенчскій оазисъ, питаемый арыкомъ Лаузаномъ (у Куны-Ургенча онъ носитъ названіе Ханъ-Яба) является нынѣ послѣднимъ оплотомъ осѣдлой жизни—дальше начинаются полувысохшія озера—остатки лучшихъ дней, гдѣ бродятъ, влача жалкое существованіе, кочующія племена, дальше же мрачнымъ порогомъ возвышается Усть-Уртъ, и, полузавѣянная песками, пустыня простирается вплоть до Каспійскаго моря; изрѣдка попадаются колодцы, но и тѣ пересыхаютъ въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы и тогда пустыня дѣлается непроходимой. Далеко въ эти безводныя пустыни проникли и раскинулись наши работы...

Потянулись посѣвы; чахлый хлопокъ и джугара говорятъ, что вода здѣсь не всегда бываетъ въ достаточномъ количествѣ; дорога накатана, тверда, и мы, по берегу Ханъ-Яба, разгоняемъ идущихъ и ѣдущихъ, подымая желтую пыль. Густые карагачи и стройные, стриженные снизу, тополи подступаютъ къ арыку, скрипятъ чигири, мелькаютъ глинянныя стѣны сакль, и шумящая разноголосая толпа мальчишекъ, кишашихъ коричневыми тѣлами въ арыкъ, радостнымъ визгомъ провожаетъ автомобиль. Въѣзжаемъ въ городскія ворота, и снова попадаемъ въ узкія крытыя улицы; пыль, толпа, говоръ; автомобиль едва продвигается и временами кажется, что мы задѣнемъ крышу улицы.

Проѣхавъ базаръ, и сдѣлавъ поворотъ въѣзжаемъ въ обширный дворъ бековскаго дома. Такимъ образомъ наше путешествіе было закончено, а на другой день я верхомъ уѣхалъ на работу.

Въ концѣ юля, вечеромъ джигитъ привезъ служебную записку въ мой лагерь; нач. изысканій сообщалъ, что черезъ день, съ разсвѣтомъ онъ выѣзжаетъ изъ К.-Ургенча, на автомобиль и предлагалъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. На другой день, кончивъ работу и, отправивъ своего переводчика впередъ, я поѣхалъ въ К.-Ургенчъ, но по дорогѣ заблудился, и къ вечеру попалъ въ кишлакъ ¹⁾ Камард-

¹⁾ Кишлакъ—селеніе, аулъ.

Проводникъ предупреждаетъ о пескахъ, и мы наполняемъ водой запасный бакъ; тѣмъ временемъ канавка засыпана, и съ небольшого разгона преодолеваемъ препятствіе, чуть забуксовавъ задними колесами.

Вскорѣ автомобиль идетъ тяжелѣе: ѣхать приходится на второй скорости; двигатель отчаянно гудитъ, и вода въ радиаторѣ вскипаетъ минутъ черезъ пять. Приходится останавливаться и ждать пока успокоится клокочущее кипѣніе, подливать свѣжей воды и снова напрягать всѣ силы. А песокъ все глубже и вмѣсто культуры по бокамъ тянется однообразная желтоватая равнина, поросшая рѣдкѣй колючкой и пышащая жаромъ.

Останавливаемся... Идемъ пѣшкомъ, чтобы облегчить машину; моторъ гудитъ точно выбивается изъ силъ, колеса зарываются въ песокъ по ступицы и мы дружно подталкиваемъ автомобиль сзади.

Такъ усиліями машины и людей, отирающихъ потъ съ лицъ своихъ, подвигаемся впередъ. Колючка исчезла, уступивъ мѣсто желтой песчаной равнинѣ, переходящей въ барханы, то-есть летучіе пески, наметенные сугробами серповидной формы, грядами отлагающіеся, выпуклостями противъ направленія вѣтра, и состоящіе изъ чрезвычайно легкаго песка, и, даже при весьма незначительномъ вѣтрѣ, приходящіе въ движеніе отъ начинающагося выдуванія. Но эти барханы наметены на твердомъ основаніи уплотненнаго лесса („такырѣ“ по мѣстному) и мы предполагали, лавируя межъ серповъ, выѣхать на чистый такыръ, и пробраться къ озеру Истемесъ. Еще немного усилій, мы выбираемся и хорошимъ ходомъ огибаемъ барханы; нашъ слѣдъ прихотливо-извилистымъ узоромъ печатается на такырѣ и мы забираемся словно въ лабиринтъ желтыхъ песчаныхъ стѣнъ. Но чѣмъ глубже мы забираемся въ барханы, тѣмъ уже проѣзды и выше гряды песковъ; неожиданно одна изъ нихъ соединяется съ другой и путь преграждается; задній ходъ, дѣлаемъ разгонъ, на нѣкоторое мгновеніе останавливаемся на верхушкѣ, и скатываемся:—гребень въ аршинъ высотой разрѣзанъ и мы лавируемъ дальше; такимъ образомъ побѣждаемъ еще нѣсколько гребней, на одномъ изъ нихъ чуть-чуть „заѣло“, но подложили доску подъ заднее колесо и проѣхали... За крутымъ поворотомъ въѣзжаемъ въ излучину и видимъ что котловина, саженой въ 200 ширины, отдѣляющая насъ отъ такыра, вся засыпана пескомъ. Остановка.

Съ вершинъ бархановъ представляется удивительно своеобразно-красивый видъ: двѣ трети горизонта—сплошное море песковъ, зигзаги бархановъ вьются цѣпочками, правильно расположенными рядами, впереди бѣлѣетъ такыръ, и на горизонтѣ синѣетъ Султанъ Уизъ-Дагъ.

Мы рѣшаемъ „прорваться“.

Разгоняемся, стремительно влетаемъ въ песокъ, взрываемъ его задними колесами и... останавливаемся.

Это были тяжелыя минуты, моторъ бѣшено работалъ, заднія колеса буксовали и мы всѣ, за исключеніемъ шоффера, подталкивали почти безпомощную машину; для облегченія сбросили всѣ вещи. Вода въ радиаторѣ вскипала такъ быстро, что почти ежеминутно останавливали машину, чтобы дать ей „охладиться“. Но развѣ она могла она „охладиться“ въ пятидесятиградусной жарѣ.

Рис. 2. На одномъ изъ бархановъ чуть-чуть „заѣло“, но подложили доску подъ заднія колеса и проѣхали.

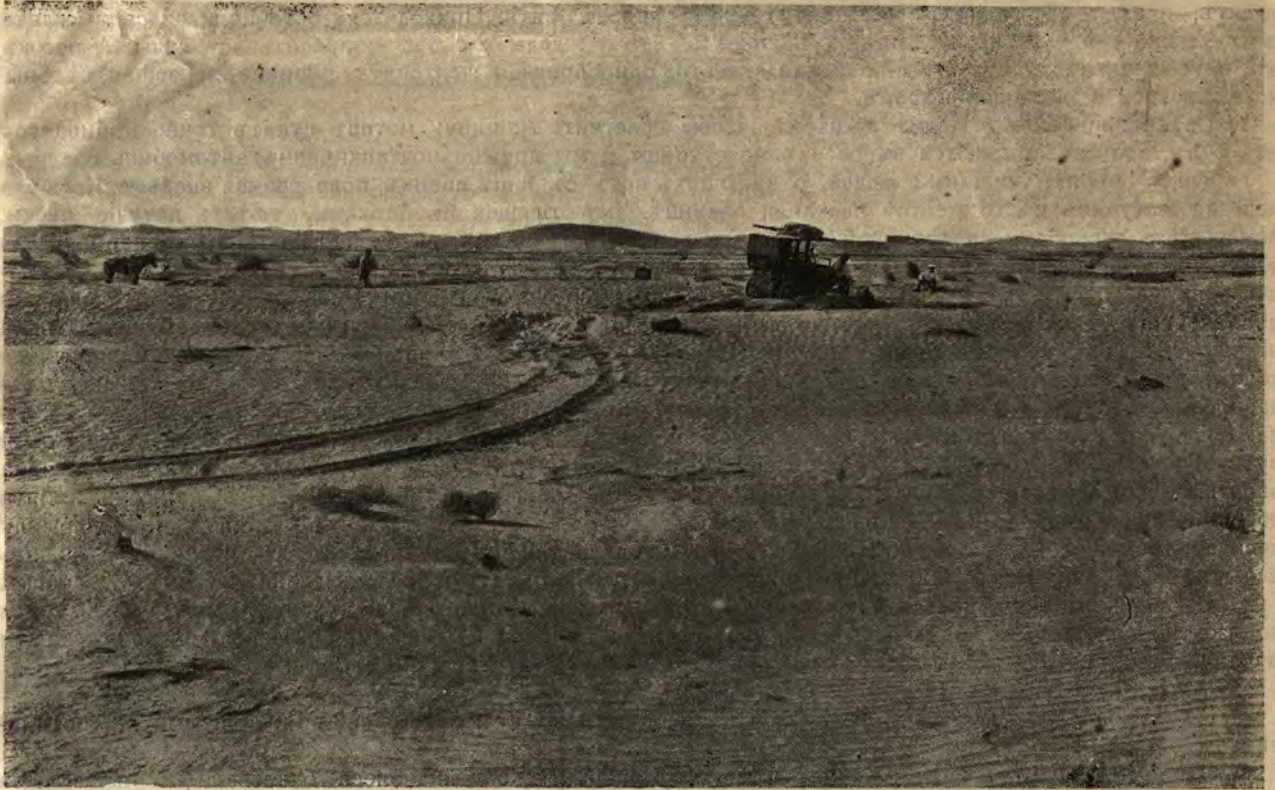

Рис. 3. Это были тяжелыя минуты.

Туть были примѣнены всѣ способы и средства для ускоренія и облегченія нашего передвиженія: передъ колесами вырывались канавки, подъ заднїя колеса подкладывались доски, мы прилагали всѣ свои силы, давали полный ходъ. Моторъ ревѣлъ, мы испытывали нѣчто, подобное мукамъ ада, и толчками подвигались, со скоростью сажени въ часъ, пока изъ открытаго радиатора не показывались клубы пара, и мы останавливались „охлаждаться“.

Рис. 4. Толчками подвигались со скоростью сажени въ часъ.

И все это под знойными лучами ослепительно-яркого солнца, жгущим нас почти с зенита. А пока горячая машина стояла бокомъ мы, измученные жарой и трудами своего передвижения, садились на раскаленный песокъ и утоляли свою жажду водой изъ запаснаго бака. Вода эта теплая, желтоватаго цвѣта отъ осадка ржавчины, и имѣвшая явный привкусъ ея, намъ казалась нектаромъ...

Отдохнувъ, мы со свѣжими силами брались за машину, и, шагъ за шагомъ, побѣждали ненавистный песокъ...

Въ пятомъ часу, когда жаръ свалилъ, послѣ одного дружнаго усилія, мы почувствовали, что колеса „забираютъ“ и автомобиль, уйдя изъ рукъ, вкатился на твердый такыръ... Наши страданія кончились.

Такыръ—уплотненный лесъ развѣтывалъ передъ нами необозримое плато, совершенно ровное и гладкое, какъ асфальтовая мостовая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завѣянное барханными песками (Кызыль-Кумами) въ приозерной же своей части чистое отъ песковъ и для автомобиля представляющее лучшее, что только можетъ создать природа.

Вещи снова на мѣстахъ; мы садимся.

Послѣ невольныхъ страданій въ пескахъ машина, точно подталкиваемая кѣмъ-то, трогается и беретъ ходъ. Двѣ три извилины среди послѣднихъ грудъ песка и мы летимъ впередъ... Моторъ работаетъ равномерно, чуть-чуть урча. Ѣдемъ на четвертой скорости. Путь нашъ прямой, вѣтеръ гудитъ кругомъ, мимо проносятся пустыня, однообразная, сѣрая, освѣщаемая склоняющимся желтоватымъ солнцемъ. Мы приближаемся къ разрушеннымъ, но нѣкогда цвѣтушимъ городамъ и черезъ полъ-часа проносимся мимо иногда уцѣлѣвшихъ гигантскихъ глиняныхъ стѣнъ, полузавѣянныхъ песками. Нѣкоторыя стѣны обозначаютъ улицы и все это проносится, мелькаетъ, и мы снова въ пустынь, снова несемся одни... Вдали чернѣетъ что-то; приближаемся; трупъ верблюда уже полустлѣвший; стая птицъ шаранулась въ сторону, отъ шума автомобиля. и въ лицо пахнуло смрадомъ смерти, еще мгновение, и мы далеко, мчимся къ синѣющему Султанъ-Уизъ-Дагу...

Солнце изжелтокраснымъ сплюснутымъ шаромъ коснулось горизонта, когда вырисовался контуръ Аязъ-Калы, древней крѣпости, вблизи которой намъ надлежало повернуть на западъ, къ озеру Истемесъ; мы рассчитывали до заката солнца прибыть къ мѣстному объѣздику у озера, гдѣ и заночевать.

Аязъ-Кала приближалась; нашъ проводникъ острымъ взглядомъ прищуренныхъ глазъ, держа руку отъ солнца козырькомъ, осматривалъ горизонтъ и, повидимому, безпокоился; наконецъ, онъ сдѣлалъ указаніе шофферу и мы повернули къ солнцу; пересѣкли верблюжій путь, стоптанный караванами, вьющійся вдалъ въ обѣ стороны. Проводникъ опять сдѣлалъ указаніе, мы опять повернули.

Солнце потонуло въ густыхъ желто-оранжевыхъ краскахъ, контуръ Аязъ-Калы потемнѣлъ, потемнѣлъ и Султанъ-Уизъ-Дагъ.

Было ясно, что мы заблудились. Рѣшено было ѣхать, взявъ направленіе на Аязъ-Калу, и мы опять понеслись... Разсѣкая горячей сухой воздухъ пустыни, нарушая мертвую, постоянную тишину ритмичнымъ трещаніемъ мотора мчался автомобиль... Тончайшая лессовая пыль, освѣщаемая зашедшимъ солнцемъ, давала причудливо-странное освѣщеніе: горящее золото запада, постепенно переходя въ глубокую синеву зенита и востока, сообщало всему зеленовато-сѣрый колоритъ, и, вновь потянувшіеся развалины, одиноко торчавшихъ, стѣнъ создавали какую то тяжелую картину безжизненности...

Меня тогда поразилъ этотъ контрастъ мертвой безграничной пустыни и среди нея—автомобиль, выражающій и символизирующій собой ту культуру, которую несутъ люди въ пустыни, чтобы, давъ имъ воду, воскресить на этихъ руинахъ новую, яркую жизнь...

Темнѣло быстро, и мы принуждены были уменьшить ходъ. Аязъ-Кала въ четырехъ—пяти верстахъ мрачно темнѣла, и ея зазубрины полуобвалившихся стѣнъ напоминали средневѣковой замокъ. Дорога сдѣлалась хуже: стали попадаться выбоины, и мы

остановились у начинающихся зарослей, ѣхать по которымъ въ темнотѣ мы не рискнули. На ночевку расположились на такырѣ. Западъ погасъ, и въ синевѣ глубокаго неба проступили яркія звѣзды. Стаканъ горячаго, невкуснаго чая, вскипяченнаго на паяльникѣ, былъ нашимъ ужиномъ, но не успокоилъ насъ. Шофферъ опредѣлилъ, что въ бакѣ осталось воды ведра два, и это количество, принимая во вниманіе тяжелую дорогу къ озеру, могло хватить намъ часа на два съ половиной ѣзды. Успѣемъ ли мы за это время доѣхать до озера, — вотъ вопросъ, съ которымъ мы заснули.

Рис 5. утоляли свою жажду водой изъ запаснаго бака.

Еще не всё звёзды потухли на утреннемъ небѣ, когда мы поспѣшно собирались въ путь, не умываясь и безъ чая изъ экономіи воды. Мучась вчерашней неудачей, проводникъ ушелъ разыскивать удобный путь; онъ стоитъ вдали и машетъ рукой.

Трогаемся. Дорога плохая, но машина работаетъ прекрасно; отъ сна бодрость и легкость, и ни слѣда отъ вчерашней усталости. Султанъ-Уизъ-Дагъ свѣжій, розовый протянулся по горизонту, а на востокъ, на фонѣ безконечной пустыни, выплыло солнце и отъ колесъ побѣжали длинныя тѣни. Сквозь кустики колючки и гребенщика ¹⁾ мелкнула свѣтлая полоска на такырѣ, дальше еще и передъ нами ясно вырисывался слѣдъ автомобиля.

Этотъ слѣдъ, отпечатанный во время прошлаго путешествія этого же автомобиля, былъ хранимъ пустыней цѣлый годъ!..

Мы обрадовались ему, такъ какъ знали, что онъ выведетъ насъ къ озеру, и, дѣйствительно, черезъ часъ ѣзды оно развернулось передъ нами ярко синимъ мазкомъ.

Рис. 6. Кызыль-Кала (золотая крѣпость) мрачнымъ массивомъ возвышалась у самой дороги.

Выйдя изъ автомобиля, мы любовались панорамой, развернувшейся передъ нашими глазами: лазурное озеро, окаймленное бордюромъ зеленыхъ камышей по берегамъ, лежало на днѣ широкой котловины, ограниченной справа Султанъ-Уизъ-Дагомъ и слѣва, сливающимися съ горизонтомъ, зарослями тугаевъ ²⁾; у озера бѣлѣлъ домикъ объѣзчика...

Спустя часъ мы, подкрѣпившіеся, съ запасомъ воды, огибали озеро; дорога тверда, но ухабиста, попадались массы пересохшихъ руселъ, логовъ, выбоинъ и на одной изъ нихъ лопнулъ листъ передней рессоры: аварія была замѣчена во время и, остановившись и выяснивъ размѣры несчастія, поджавъ лопнувшій листъ къ остальнымъ струпинкамъ, съ осторожностью продолжали путь. Опять потянулись развалины стѣнъ, съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ печами; стадо барановъ, пылившее и бляевшее промелькнуло мимо; такыръ опять сталъ лучше, и мы понеслись къ Кызыль-Калѣ. Мрачнымъ темнымъ массивомъ возвышалась она у самой дороги. Остановливаемся и дѣлаемъ маленькую экскурсію; колоссальная четырехугольная стѣна, созданная титаническими трудами людей,—съ башнями, сохранившими на себѣ остатки бойницъ, бывшіе свидѣтели многихъ историческихъ событій... По крутой тропинкѣ поднимаемся, и, пригнувшись, входимъ внутрь, въ отверстіе стѣны; остатки сводовъ, выложенные изъ твердаго камня, обвалившіеся, засыпанные пескомъ; въ одномъ мѣстѣ намѣчается отверстіе, полуистертые ступени спускаются внизъ; идемъ туда, тамъ темно и дуетъ вѣтеръ, ходъ поворачиваетъ, и мы возвращаемся... Съ вершинъ башенъ далекой видъ на пустыню, озеро и Султанъ-Уизъ-Дагъ... Но намъ некогда, мы спускаемся внизъ, ѣдемъ дальше, и скоро туманныя очертанія Кызыль-Калы сливаются съ миражемъ пустыни...

Озеро продолжаетъ оставаться слѣва, и мы любуемся его панорамами.

Такъ мы шли хорошимъ ходомъ до почтовой станціи Хеакъ-Тау, и только шина, лопнувшая съ трескомъ револьвернаго выстрѣла, немного задержала насъ. На станціи (около пяти часовъ вечера) маленькій отдыхъ, во время котораго раскрылся эпизодъ съ масломъ. Въ погребцѣ одного изъ насъ находилась жестяная банка съ обыкновеннымъ коровьимъ масломъ, которое, попавъ въ Туркестанскую температуру превратилась въ жидкость; банка эта какимъ-то образомъ перевернулась въ погребцѣ, и масло буквально затопило все, проникнувъ во всѣ уголки погребца и добралось до, спрятанной тамъ, пачки денегъ. Горе потерпѣвшаго не поддается описанію; во все время нашего кратковременнаго отдыха въ Хеакъ-Тау онъ изобрѣталъ различные способы обезмасливанія сторублевокъ.

Отъ Хеакъ-Тау до Ходжа-Куль дорога пересѣкаетъ хребетъ Султанъ-Уизъ-Дагъ и эти 45 верстъ мы ѣхали немного больше часа. Путь каменистъ твердъ; безъ затрудненія взяли два подъема съ кру-

¹⁾ Гребенщикъ—кустарникъ растущій въ пескахъ

²⁾ Лѣсъ, покрывающій мѣстами берега Аму-Дарьи.

жикъ верстахъ въ 10 отъ К.-Ур. гдѣ и заночевалъ въ чай-ханѣ. Выѣхавъ оттуда утромъ, я на полѣ дорогѣ встрѣтилъ автомобиль, куда и пересѣлъ, отдавъ лошадь, сопровождавшему меня джигиту.

Опять знакомое пыхтѣніе, опять ковчегъ по выбоинамъ. Въ Камарджикѣ съ трескомъ лопнула покрывка на переднемъ колесѣ; запасныхъ не было, пришлось колесо замотать ремнемъ верблюжьей кожи, залатавъ камеру (изобрѣтеніе нашего шоффера); послѣ почти трехчасовой стоянки двинулись дальше; однообразная равнина, мѣстами солончаковая, тянулась по сторонамъ; ѣхали хоть и не очень быстро, но безъ особенныхъ затрудненій, и только, проѣзжая мягкую свѣженасыпанную дамбу, сѣли на ней

„брюхомъ“, но подкопавъ землю—благополучно продолжали свой путь. Почти у самаго города Порсу шаткій мостъ не выдержалъ, и автомобиль провалился однимъ колесомъ въ расщелинѣ; къ счастью все обошлось благополучно, и мы двинулись далѣе безъ посторонней помощи; минули городъ, и послѣ небольшой остановки запыхтѣли дальше; послѣ солончаковъ мы вступили въ районъ культурныхъ орошенныхъ земель Хивы. Титанической трудъ должны были приложить десятки поколѣній, чтобы создать существующія оросительныя системы, и теперь не мало трудовъ идетъ на поддержаніе ихъ. Вода для нихъ—все. Есть вода—возможна жизнь, нѣтъ ее—все, сжигаемое солнцемъ, умираетъ, и самая лучшая почва дѣлается бесплодной, какъ камень. Чтобы провести воду, они лопатами роютъ арыки, иногда весьма большой ширины, отъ Аму-Дарьи, протягиваютъ ихъ на десятки верстъ, и, черпая воду чигирями, увлажняютъ поля. И по берегамъ Ташауза, Клычъ-Ніазъ-Бая, Шахъ-Абата и другимъ раскинулся сплошной садъ: пестрятъ участки хлопка, джугары, кунжута, виноградъ отяжеленный полными налитыми гроздьями, тянется и ползетъ къ солнцу, ароматныя дыни прячутся подъ застилающими ихъ листьями.

И все это своимъ существованіемъ обязано неусыпному наблюденію и трудолюбію мусульманъ.

А мы все подвигались впередъ. Изрѣдка попадаются ярко-зеленыя полянки-посѣвы риса, страшный разсадникъ комаровъ; когда мнѣ пришлось, однажды, ночевать возлѣ рисоваго поля, несмотря на то, что я спалъ подъ пологомъ, я чуть не былъ заѣденъ комарами.

Дорога, разбитая сильной ѣздой, стала значительно хуже и наша импровизированная шина

Рис. 12. ... мѣстами вязли въ пескахъ.

Рис. 13. Расчистка пути.

вновь лопнула, что стало внушать намъ опасеніе; кое-какъ удалось подладить покрѣшку, но черезъ часъ она вновь лопнула; тутъ же лопнуло и наше терпѣніе, и мы приняли героическое рѣшеніе; дальше мы поѣхали не надувая шины, и этимъ имѣли то преимущество, что шина уже не могла лопнуть. Къ тому же дорога была мягка, и мы не рисковали.

Стало темнѣть, и, какъ нарочно, судьба посылала намъ испытанія; объѣзжая воду, отъ разлива арыка, мы попали задними колесами въ канаву, и такъ прочно въ ней устроились, что понадобилось звать на помощь десять человѣкъ.

Сарты, сверкая бѣлыми зубами, и радуясь, что могутъ оказать помощь отъ-арбѣ, почти на рукахъ вытащили автомобиль; все таки мы потеряли около часа, и когда снова находились въ дорогѣ, было уже темно.

Карбиду для фонарей не было, зажгли масляные, почти не помогавшіе, и съ осторожностью, двинулись въ темноту. Дорога извивалась бѣлесоватой полосой, и мрачные силуэты деревьевъ вставали и уходили прочь; кой-гдѣ, сквозь зелень мелькалъ огонекъ и встрѣчные съ испугомъ шарахались въ стороны, лицо пріятно освѣжалось прохладой вечера, и звѣзды сверкали на темнѣющемъ небѣ. Медленно проѣзжаемъ высокій горбатый мостъ, и попадаемъ въ темную аллею; до ближайшаго города Ташауза оставалось нѣсколько верстъ и нежеланіе заночевать подъ открытымъ небомъ заставляло насъ подвигаться впередъ. Но эти нѣсколько верстъ были такъ тяжелы, что даже теперь я задавалъ себѣ вопросъ: какъ это мы *могли* проѣхать благополучно? Автомобиль качался, какъ корабль во время жестокаго шторма, машина выла, хлопала переѣмна скоростей, и удушливая пыль лѣзла въ открытыя окна, но вскорѣ потянулись очертанія домовъ—мы въѣхали въ городъ, а еще черезъ нѣкоторое время мы остановились у огромнаго дома бека, и съ облегченіемъ воши, въ усталыя ковры, комнаты.

Рис. 14. Автомобиль привязали къ арбѣ и, къ общему удовольствію собравшейся толпы, торжественно выволокли на дорогу *).

Въ пять часовъ утра мы покинули Ташаузъ. То ныряя въ зеленыхъ аллеяхъ, то минуя небольшіе кишлаки, огибая курганы, покрытые могилами, пересѣкали арыки, наслаждались на участкахъ плотной дороги и терпѣливо сносили ухабы и выбоины. Въ часъ дня минули городъ Шахъ-Абатъ, послѣ небольшой остановки, хорошимъ ходомъ двинулись дальше, лихо поворачивая съ улицы въ улицу, и опять по сторонамъ замелькали знакомыя картины. Подъ Новымъ Ургенчемъ путь преградился огромной лужей; рѣшеніе могло быть одно—ѣхать прямо; но по серединѣ лужи моторъ остановился—пришлось обратиться къ посторонней помощи, послать за людьми и лошадьми.

Автомобиль впрягли въ арбу, и, къ общему удовольствію собравшейся толпы, торжественно выволокли на дорогу; жалкій видъ представлялъ онъ въ грязи, но солнце высушило воду и мы продолжали путь; вотъ и Новый Ургенчъ; замелькали лавки, дома, завывала сирена, и мы благополучно закончили наше путешествіе.

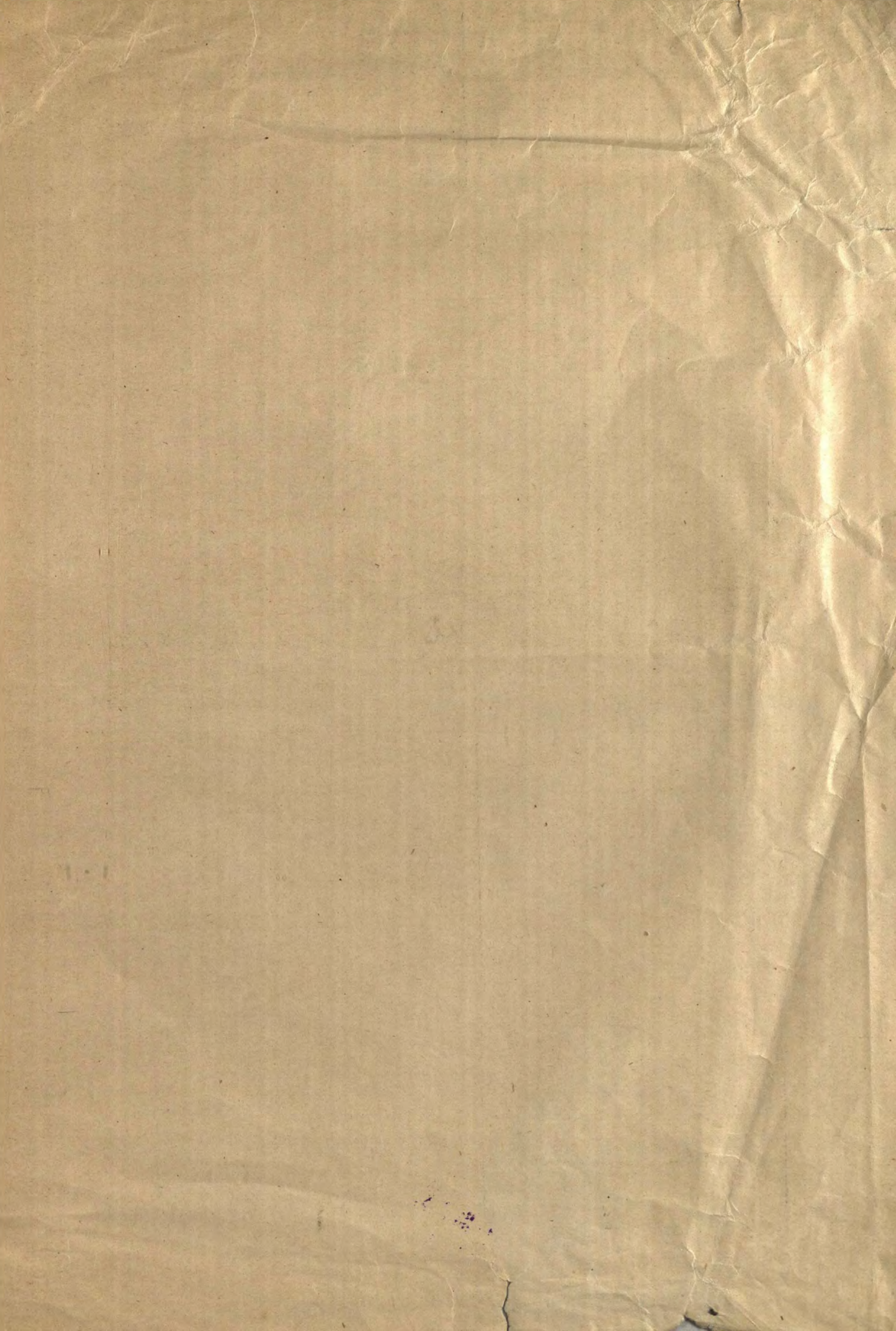
Уже темнѣло, когда мы собрались за ужиномъ у бека на балконѣ; самъ бекъ гостепріимный хозяинъ, великолѣпно говорящій по русски и уважающій культуру (онъ для поливки своего сада имѣетъ нефтяной моторъ) угощалъ насъ традиціоннымъ „палавомъ“ изъ баранины съ сушенымъ урюкомъ, каурдакомъ, виноградомъ, персиками, дынями.

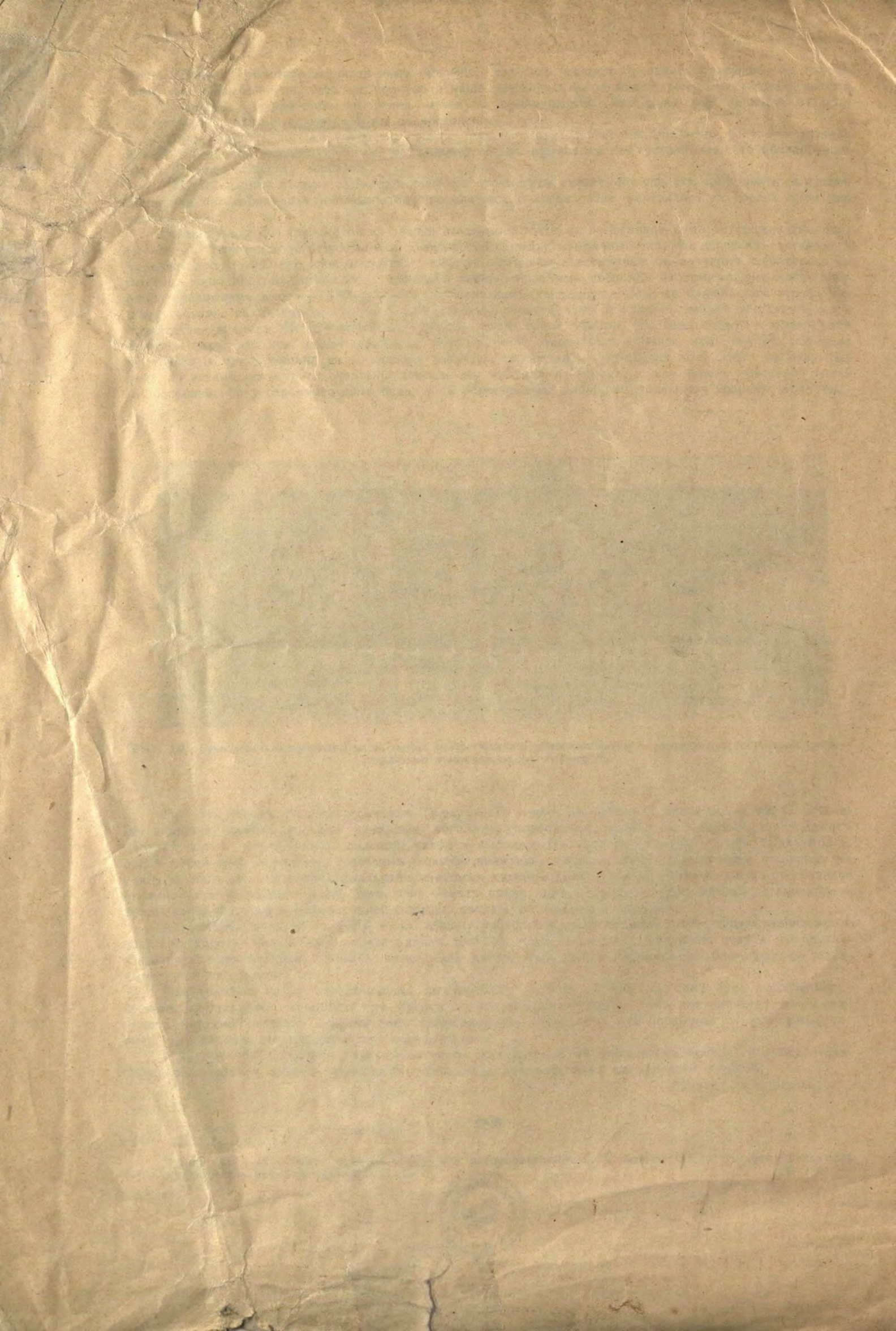
А кругомъ была тишина, казавшейся такой контрастной съ трещаніемъ мотора, все еще отдавшимся въ головѣ и далеко гдѣ-то ахунъ призывалъ правовѣрныхъ къ вечерней молитвѣ.

Конст. Тимофѣевъ.

*) Рис. 4, 5 и 14 любезно предоставлены для воспроизведенія С. К. Кондратовымъ, которому пользуюсь случаемъ выразить мою благодарность. К. Т.

11-11-11

18535

Цѣна 50 к.

Кл